
«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ПОЛИТОЛОГОВ: ИДЕИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

22–24 ноября 2012 г. в Москве в МГИМО-Университете состоялся VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия», организованный Российской ассоциацией политической науки, история становления и развития которой насчитывает без малого 60 лет. Шестой конгресс стал самым многочисленным и представительным национальным конгрессом специалистов в области политической науки – исследователей, аналитиков, экспертов, консультантов и преподавателей. Из 1324 зарегистрированных участников 721 человек выступили с докладами и сообщениями. На конгрессе были представлены более 65 регионов России, 17 институтов РАН и РАО, 102 государственных университета и академии, более 30 негосударственных учебных заведений, аналитических центров, а также Международная ассоциация политической науки (МАПН), Европейский консорциум политических исследований, ряд национальных политологических ассоциаций, университетов и научных центров из 33 зарубежных стран.

Работа конгресса проходила на трех пленарных заседаниях, а также 17 заседаниях по основной теме конгресса, 67 – по основным направлениям политической науки, 24 специальных заседания, 15 «круглых столов», прочитаны три пленарные лекции. Прошли презентации книг, журналов, проектов, 23 заседания исследовательских комитетов (ИК) и инициативной группы по созданию ИК РАПН. В рамках конгресса прошел **III Форум молодых политологов**.

На конгрессе было проведено специальное заседание с вручением известным российским политологам – Ф.М. Бурлацкому, А.А. Галкину, М.В. Ильину, Ю.А. Красину, В.В. Смирнову и Е.Б. Шестопал – *медали Георгия Хосроевича Шахназарова* «За выдающийся вклад в организацию и развитие политической науки в России», учрежденной РАПН.

Насыщенной была *международная программа конгресса*, которая стала наиболее масштабной и представительной за всю историю конгрессов РАПН. Географический охват был поистине всемирным: помимо «привычных» европейских партнеров (из Франции, Германии, Италии, Греции, Финляндии, Великобритании, Польши, Норвегии и др.) в работе конгресса приняли участие политологи из Бразилии, Индии, Канады, США, Турции, Колумбии, Египта, Ирана, Исландии, Шри-Ланки, других «далеких» стран. Из наших соседей по постсоветскому пространству следует отметить большие делегации политологов Украины и Казахстана, а также участие партнеров из Армении и Белоруссии. Всего в конгрессе участвовали 65 зарубежных специалистов.

М.В. Ильин

Ландшафт отечественной политической науки

Конгресс показал, что отечественная политическая наука в лице «РАПНовского ядра» (не хочу пользоваться словечком «мейнстрим») и ряда точек роста на подъеме. Научная (не территориальная) периферия, в основном оставшаяся за пределами конгресса и лишь фрагментарно и, думаю, случайно попавшая на конгресс, это лидерство только оттеняет.

В то же время нельзя не согласиться с А.Ю. Мельвилем, что ландшафт отечественной политической науки плоский и кочковатый. Но такое верное впечатление и оценка вызваны нашей размазанностью по территории большой страны. А если сравнить с более многочисленными сообществами, то увидишь, что достижений там пропорционально или почти пропорционально больше, что мейнстрим пропорционально такой же, а главное охвостье имитаторов – везде многочисленно и преобладает. У американских коллег с их плотным политологическим населением кочки заметно вырастают до холмов и гор. Так что дело не в достижениях, а в том, что закрепить их трудно. Особенно в условиях практического

отсутствия журналов. Три, четыре и даже пять дела не спасают, когда нужны десятки – и куда лучшего качества.

Вторая, не менее важная вещь – международное признание РАПН и отечественной политической науки. Очень сильной международной программой мы можем гордиться. И на этой базе заняться продвижением достижений нашей науки на мировом или хотя бы международном уровне в первую очередь с помощью публикаций на иностранных языках.

Были, конечно, огорчения, правда, смешанные с радостью. Огорчился, когда на лекцию Вернера Патцельта об историческом институционализме и эволюционной морфологии пришло всего трое «взрослых» коллег. А лекция была просто блестящая, как раз о том, где и как можно вздыбить в нашей науке не кочку, а целую гору. Зато пришли студенты МГИМО, очень адекватно реагировали, задавали умные вопросы, а потом еще и подошли поговорить и порасспрашивать Вернера. В общем, есть надежда, что будет кому и у нас создать научную гору. И вообще молодежь порадовала. Мне, правда, удалось побывать только на одном заседании молодежного форума, но было приятно слушать вполне профессиональный и серьезный разговор на хорошем научном языке, выдержанный в хорошем стиле.

В.С. Авдонин **К вопросу о теме конгресса**

В связи с дискуссией по итогам конгресса хотелось бы еще раз обратить внимание на его тематику – «Россия в глобальном мире: Институты и стратегии политического взаимодействия». И она является чрезвычайно важной и актуальной. При всех проблемах и бедах отечественной политологии и при всех ее достижениях и победах, о которых говорят коллеги (со многим из сказанного, конечно, можно согласиться), нельзя забывать о глобальном контексте и политики, и науки о политике. С ним так или иначе, прямо или опосредованно, были связаны многие темы и сюжеты конгресса. Во всяком случае, конгресс в медиапространстве был идентифицирован преимущественно с этой его заявленной тематикой и в значительно меньшей мере с другими, «внутренними» политическими и «внутренними» цеховыми темами.

В подборке откликов прессы, сделанной по итогам конгресса, обращает на себя внимание, что в большинстве заголовков и публикаций упоминалась тематика «образа врагов». Она упоминалась в том смысле, что и отечественные политологи, и зарубежные гости конгресса продемонстрировали нежелание включаться в тренд конструирования образов «врагов» и нагнетания угроз России в глобальном мире. И в этом плане тематика конгресса была определяющей – *«институты и стратегии взаимодействия»*. Тон на конгрессе был задан трезвыми, взвешенными, академическими выступлениями специалистов, ученых, экспертов, раскрывающих и картину глобального мира, и место (достаточно сложное) в нем России, и поиски стратегий взаимодействия. Российская международная наука и политическая наука показали на конгрессе академизм и «крепкие нервы».

Честно говоря, перед конгрессом были опасения, что и наука вслед за политикой начнет «клеить», «разоблачать», «бороться с врагами». Но, к счастью, этого не произошло. Возможно, что причина – действительно в некоем взрослении, зрелости нашей дисциплины, а может быть, еще и в «прививке», которую она получила в советский период. Традиции того времени состояли ведь не только в «обосновании» «решений партии и правительства», но и в сохранении автономии академической науки от партийной политики и пропаганды. Автономии, которая давалась дорогой ценой, но в конце концов ученые ее отстаивали в далеко не вегетарианских условиях, и сегодня не видно причин, по которым они могли бы от нее «просто так» отказаться в угоду власти.

Проблем в глобальном мире, в том числе и связанных с Россией, много. Они сложны и многоплановы. И в научном плане давно очевидно, что понимать эту сложную глобальную реальность при помощи традиционных *парадигм глобального соперничества, конфликтов и борьбы с врагами* явно недостаточно, а в условиях глобальных угроз, может быть, и порочно. Парадигма «конфликта и соперничества» лишь один из моментов понимания сложной глобальной реальности. Нужны и другие, в частности, *парадигма взаимодействия*, о которой говорилось на конгрессе. И в этом смысле конгресс стал важным шагом становления и укрепления этой парадигмы в российском сообществе политологов.

В.А. Ковалёв
Политическая наука в России: Задача состоит
в сохранении автономии и свободы дискуссий

Полагаю важным то, что VI Конгресс российских политологов удалось провести вовремя, по намеченному плану и в ходе него было немало содержательных дискуссий. При существующих социально-политических тенденциях все это не выглядит таким уж очевидным.

Если выражаться еще определеннее, то представляется актуальным сохранение хотя бы небольшой автономии и свободы дискуссий, в ситуации, когда состояние с этим напоминает шагреновую кожу. В этих условиях важно, чтобы свободный обмен мнениями и содержательная полемика присутствовали на публичных мероприятиях, чтобы реальный плюрализм мнений и разница идейных и теоретических подходов выражались в книгах, статьях, сборниках и т.д., а не только в постах-блогах.

Для свободной дискуссии представителям отечественной политической науки нужно сохранить «формы», «выжить», без ухода в «диссидентство», «самиздат», на «кухни» и тому подобное. Если подобный шаг станет вынужденным и неизбежным, то это очень тяжело отразится не только на душах людей, но и на состоянии умов тех, кому политические споры и вообще «политология» интересны и представляются важными. (Про состояние «подпольного человека» можно перечитать в «Записках...» Ф.М. Достоевского. При очень сильном давлении мысль уродуется и порождает опасные идеологические химеры.)

Еще хуже, когда наукообразные формы вроде бы есть, а содержание выхолащивается. Научную бесплодность такого состояния показывает советское обществоведение. Понятно, что многие со мной не согласятся по причинам ностальгическим и идеологическим. Но я все же буду настаивать на своем. В вопросе «От какого наследства мы (не) отказываемся?» некоторые коллеги переоценивают достижения официальных советских ученых идеологов и, к сожалению, забывают о том, как в состоянии идеологического гнета яркие и оригинальные идеи появлялись у таких отечественных мыслителей, как А. Солженицын, А. Амальрик, В. Буковский, А. Иванов, и некоторых других представителей разных идейных направлений.

Но повторим, что надо всячески противиться переходу в «диссидентское» состояние, – при разрушении форм организации нормальной научной жизни и образовательного процесса содержание тоже весьма страдает.

Здесь среди коллег, конечно, согласия быть не может. Имеется не только разница в идеологических, политических и прочих взглядах, но очень сильно также различается представление о возможных границах компромисса (с властью, другими организациями и т.д.). На наш взгляд, «непримиримая позиция» не полезна. Разнообразные формально-символические уступки и согласие иногда послушать-почитать, «переливание из пустого в порожнее» – это не слишком большая жертва. Но если содержательный, научный элемент будет в результате таких уступок вообще сведен к минимуму и ученым-политологам предложат заниматься даже не «начальствованием», а «колебаниями вместе с линией партии», а подготовка политологов заменится технологиями «одобрямса», то такой компромисс может привести к деградации политологии как дисциплины.

В организационном плане выживание РАПН (при сохранении автономии и научного содержания в ее работе) представляется сегодня весьма актуальной и непростой задачей. При существующих разногласиях никакой реальной альтернативы не просматривается. И хотя общего политологического сообщества, на мой взгляд, в России все же нет (слишком разные собрались люди, и отсутствует понимание необходимости «цеховой» солидарности), все равно Ассоциация дает своим членам очень много, можно сказать, незаменимые вещи по нынешним временам. Например, сложились устойчивые и плодотворно работающие группы по различным направлениям политической науки, развивается сетевое взаимодействие, интересные результаты приносит деятельность исследовательских комитетов, как ни удивительно, развиваются репутационные (а не только вертикально-бюрократические) критерии в оценке работы коллег и многое другое.

Именно это и нужно ценить и постараться сберечь. Понятно при этом, что сохранять демократический элемент в работе Ассоциации чисто организационными методами невозможно. Что, например, можно решить голосованием, собравшись раз в год, в условиях нехватки времени и места, под эмоциональным напором? А вот корпоративная солидарность (больше корпоративной солидар-

ности!), несмотря на идейные и прочие расхождения, нам бы совсем не помешала: и в наших внутренних делах, и по отношению к внешним воздействиям.

Пока будем мечтать о том, чтобы следующий, VII Конгресс РАПН прошел вовремя и оказался содержательным. Творчество и свобода неразделимы.

Е.Ю. Мелешкина
Политическая наука в России:
Необходимость саморефлексии

Прошедший VI Конгресс политологов, на мой взгляд, продемонстрировал очевидный рост организационных возможностей РАПН. Помимо этого заметны были и рост общего профессионального уровня участников конгресса, все увеличивающееся разнообразие тем для обсуждения. Полезным следует признать и участие в мероприятии практических политиков, часть из которых выступали не только в качестве обычных для больших мероприятий «говорящих голов», но и проявляли интерес к содержанию конгресса, к выступлениям других его участников. Важным позитивным сдвигом явился также рост числа иностранных участников.

И все-таки, несмотря на это, конгресс в целом оставил неоднозначное впечатление. Причина не столько в его организации (полагаю, что организаторы сделали все от них зависящее в очень непростых условиях), сколько в том, что данное мероприятие стало своеобразным отражением достижений и проблем в развитии отечественной политической науки.

Журнал «Политическая наука» неоднократно публиковал отдельные материалы и даже целые номера, посвященные их анализу. Однако актуальность этого занятия со временем не исчезла, а, напротив, увеличилась.

Очевидно, что со времени фактического воссоздания Российской ассоциации политической науки и активизации ее деятельности политическая наука в нашей стране прошла значительный путь, отмеченный общим профессиональным ростом, более тесной ее интеграцией в мировую политологию, возникновением и увеличением количества точек роста, развитием профессиональных журналов и т.п. Подробное рассмотрение этих достижений представляется важным и полезным для осмысления общего уров-

ня развития научной дисциплины в России. Однако мне бы хотелось сосредоточить внимание на проблемах существования профессионального сообщества, среди которых выделить несколько, на мой взгляд, наиболее актуальных. Они не имеют прямого отношения к содержанию научных дискуссий и исследований, хотя и сказываются на них косвенным образом. Скорее они связаны с задачами консолидации и позиционирования научного сообщества в российском обществе и государстве.

Первая проблема заключается в увеличивающемся стремлении разделиться на «секторы и квадраты». Стремление это понятно и вполне объяснимо объективными обстоятельствами. Помимо специфического влияния на общественные дисциплины и политологию в частности практической политики, причинами такого стремления выступают расширение размеров политологического сообщества, произошедшее за последние полтора десятилетия, при ограничении или спецификации каналов его обеспечения ресурсами. В этих условиях амбиции отдельных людей или организаций часто приводят к отрицанию необходимости объединения усилий для решения исследовательских и даже чисто инфраструктурных задач. Вместе с тем для профессионального сообщества было бы неправильно ограничиться только пониманием этих причин, отказавшись от попыток ответить на вопрос: а что сделали профессиональные организации для решения этих проблем? Что касается Российской ассоциации политической науки, то сделано, конечно, много. Это создание собственной членской базы, установление постоянных связей между членами ассоциации и ее отделениями, налаживание информационного обмена, организация конференций и семинаров и т.д. и т.п. Однако ограничиться констатацией этого, не попытавшись в нынешних условиях поразмышлять над вопросом о том, какой «набор благ» может предоставить РАПН своим членам и научному сообществу в целом, который способствовал бы снижению стремления к делению на «секторы» и «квадраты», было бы неправильно. Вопрос этот, возможно, не имеет однозначного универсального ответа, но это лишь подчеркивает актуальность саморефлексии на эту тему.

Еще одна вытекающая из этого вопроса проблема касается наличия корпоративной позиции политологического сообщества. Я в данном случае не хочу реагировать на различные высказывания на страницах печати и в Интернете по поводу отсутствия про-

фессиональной политологии в России. Конечно, уровень исследований и преподавательской деятельности в нашей стране очень разный. Но авторам соответствующих оценок хотелось бы пожелать читать побольше книг и статей, прежде чем высказывать подобные суждения. Причем желательно – научного содержания.

Вместе с тем присутствие подобной позиции отражает нерешенность одной очень важной задачи, стоящей перед сообществом. Я хорошо помню, как при воссоздании Российской ассоциации политической науки ставились вопросы формирования критериев профессиональной деятельности, корпоративного мнения на этот счет и, соответственно, повышения авторитета сообщества в обществе в целом. За прошедшие с тех пор годы предпринимались активные усилия в данном направлении. Однако, по правде сказать, мы не слишком продвинулись в этом. Конечно, эти задачи не могут быть полностью решены в принципе. Однако их обсуждение и соответствующие действия по их решению как никогда представляются мне актуальными.

И.Л. Недяк
Политические технологии –
политология или менеджеризм?

Дискуссии на конгрессе выявили возможности и проблемы развития прикладной политологии, в том числе в сфере исследования и использования политических технологий. Конфигурирующим фактором является наличие «слабого звена» как в отечественном, так и в западном политтехнологических дискурсах. Речь идет о трудно сокращающемся расстоянии между политологическим и менеджериальным «столиками». Знания политологов-«теоретиков» и политических технологов плохо дополняют друг друга. Работа «параллельными» курсами негативно сказывается как на научном осмыслении теоретико-методологических и методических оснований политических технологий, так и на практиках их применения.

На основании представленных докладов обозначу наиболее важные площадки для сближения «столиков». Для удобства изложения воспользуюсь классическим маркетинговым алгоритмом: исследование политического рынка, создание и продвижение политического предложения.

Исследование политического рынка. Несмотря на известные сложности, отечественные политологи быстрее, чем политические маркетологи, избавляются от симптомов представителя «догоняющей» отрасли, разрабатывают адекватный российским реалиям понятийно-категориальный аппарат и исследовательский инструментарий. Для политтехнологического измерения российского социума безусловный интерес представляют исследования размытых и сложносоставных идентичностей; избирательной системы как технологии управления политическими процессами; публичной сферы и публично-политического участия граждан; ресурсного потенциала основных субъектов политического процесса с позиций институционального, активистско-деятельностного, коммуникационного подходов. Перечень далеко не полный. В сфере исследования политического рынка имеется возможность совершенствовать исследовательский инструментарий, используя специфические «срезы» политмаркетингового измерения политики. Назову основные: 1) изучение политического пространства как комплекса связанных между собой процессами обмена субрынков, подсистем, сфер; 2) анализ ресурсов политических акторов посредством шкалирования субъектов политического рынка и связывающих их отношений обмена по уровневому порядку; 3) определение принципов сегментирования адресных групп и охвата политического рынка.

Создание и продвижение политического предложения. Хотя политологический и политмаркетинговый «столики» стоят друг от друга на значительном расстоянии, многие работы за ними ведутся в русле одного мейнстрима. Пример: исследования в области развития субъект-субъектного взаимодействия политических акторов как условия повышения эффективности государственного и политического управления. Технологии «партнерства» разрабатываются с рационально-прагматических позиций максимизации выгоды в парадигмах «гибкой власти» и «мягкой силы». Они нацелены на решение задач, которые солидарно определяются как приоритетные для российского социума и вместе с тем сложно решаемые. Это – развитие автономно мотивированной личности; горизонтального сетевого взаимодействия; культуры сотрудничества, принципов и практик согласования интересов в интерактивном формате и стимулирование на этой основе низовых инициатив, самоорганизации, проактивного действия общества.

В области политических коммуникационных технологий отмечается синергетическое взаимодействие исследований на пересечении (очень подвижных) предметных полей политических коммуникаций, интегрированных маркетинговых коммуникаций, политической коммуникативистики. Общая тенденция – обращение исследовательского и практического интереса к интерактивным коммуникациям, сетевому взаимодействию, on-line площадкам, роли социальных медиа.

Ю.Г. Коргунок

Исследование партий и выборов: От «слов» к «цифрам»

Заседания секций, посвященных партиям и выборам, проходили на VI Всероссийском конгрессе политологов в условиях явного доминирования электоральной тематики над партийной. Если докладов по партиям не хватило даже на одну полноценную секцию, то доклады, касающиеся выборов, пришлось не только рассматривать в два потока, но и выносить на специальные заседания.

В какой-то мере это явилось отражением объективного положения дел. Несмотря на широко разрекламированную «партийную реформу», все изменения на партийно-политическом поле пока сводятся к неким периферийным флуктуациям, не меняющим общей конфигурации спектра. Как показали доклады, политологи не ждут никаких серьезных пертурбаций в партийной системе до тех пор, пока в стране не сменится политический режим, а потому не проявляют к партийной тематике особого интереса.

Тема выборов все еще сохраняет свою свежесть. Недаром значительная часть докладов по электоральной тематике была посвящена подведению итогов избирательного цикла 2011–2012 гг., в том числе допущенным в ходе него нарушениям. Основным достижением в развитии обоих направлений можно считать более широкое внедрение в изучение партий и электоральных процессов методов математического анализа. Основным же недостатком – излишнюю «постепенность» этого внедрения, неготовность многих исследователей к работе с цифровыми данными.

Если исходить из того, что одним из показателей зрелости той или иной дисциплины является проникновение в нее математических методов, то следует признать, что политическая наука в России находится в ранней стадии своего развития, уступая, в ча-

стности, социологии и экономической науке. Да и само использование математических методов не лишено здесь существенных изъянов. Нередко применение количественных методов обусловлено желанием «быть не хуже», чем зарубежные коллеги. Однако любой метод плодотворен только тогда, когда его использование вызвано необходимостью. В результате на многих работах подобного сорта лежит печать не только ученичества, но и откровенной имитации. Очень часто использование матметодов сводится к изложению языком математики давно известных истин. Бывает, что авторы и сами признают: использование того или иного метода не принесло конкретных результатов. Однако вместо того чтобы задаться вопросом, стоит ли тогда вообще излагать результаты проделанной работы и не следует ли продолжить изыскания, они объявляют о контрпродуктивности применения к российским реалиям соответствующей исследовательской методики. Еще одним признаком имитационности можно считать использование сложных инструментов там, где вполне можно было обойтись более простыми. Здесь тоже проглядывает желание не столько вникнуть вглубь изучаемого предмета, сколько продемонстрировать знакомство с новинками исследовательского инструментария. Наконец, еще одним слабым местом использования количественных методов в политических исследованиях можно считать «выявление» слишком общих, лежащих на поверхности признаков и «закономерностей». Сила некоторых математических методов заключается именно в способности проникать вглубь структуры изучаемого предмета, поверхностные же связи хорошо видны и без них.

Недостаточно задействованными представляются, к примеру, возможности кластерного анализа, позволяющего выстраивать сложные типологии, в основу которых положены не единичные признаки, а совокупность таковых. В силу этого кластерный анализ способен выявить связи, с трудом поддающиеся обнаружению при простом описании или одномерной классификации.

В частности, если изменения в составе руководящих органов той или иной партии обусловлены внедрением в их ряды «варягов», это может остаться незамеченным для исследователя, фиксирующего отдельные характеристики новичков. Однако от кластерного анализа не укроется факт их общей чужеродности «старожилам». Такое исследование было осуществлено членами ИК по сравнительному изучению партийных и избирательных систем РАПН в 2011 г. Оно

позволило, в частности, установить, что «широкие» руководящие органы «Единой России» – Генсовет и Высший совет – по своему составу плохо приспособлены для какой-то скоординированной деятельности и выполняют скорее представительские функции, а из двух «узких» органов один – Президиум Генсовета – больше подходит для выполнения исполнительских функций, тогда как другой – Бюро Высшего совета – контрольных. В составе центральных руководящих органов «Справедливой России» выявлены очевидные признаки «искусственного» происхождения партии: там слишком много навязанных со стороны людей. В центральных органах КПРФ кластерный анализ безошибочно выделил группу «ветеранов», членство которых в ЦК обусловлено «заслугами перед мировым коммунистическим движением», а в руководстве «Яблока» – представителей неформального движения второй половины 1980-х годов.

Представляется весьма плодотворным подвергнуть подобному исследованию также составы руководящих органов региональных отделений политических партий и их фракций в законодательных собраниях субъектов Федерации. Велика вероятность, что благодаря этому удастся выявить реальную, а не просто декларируемую уставами организационную структуру российских партий.

Не менее интересным направлением в использовании математических методов в политической науке можно считать работу с электоральной статистикой. В отличие от прочих областей политологии применение количественных методов поставлено здесь на широкую ногу, в том числе благодаря включению в работу специалистов из естественно-научных отраслей знания. Их участие существенно расширяет палитру используемых методов, однако имеет и свои оборотные стороны, связанные в том числе со слишком прямолинейным представлением о предмете исследования. Представители естественно-научного знания нередко игнорируют специфику политической действительности, а общественные структуры и процессы рассматривают с изрядной долей механицизма.

В целом использование математических методов для изучения электоральных процессов требует объединения усилий многих исследователей, в том числе из регионов. Наиболее насущным в настоящий момент представляется перемещение исследований с общенационального уровня, для которого в роли казуса (case) выступают результаты выборов по субъектам Федерации, на уровень

региональный (в роли казуса – данные по муниципальным образованиям). Главным препятствием на этом пути является плохая доступность муниципальной статистики. Хотя и здесь нельзя сказать, что дела обстоят совсем уж безнадежно, во всяком случае, при условии объединения исследовательских сил.

Так или иначе, кооперация усилий представителей политической науки из разных регионов страны могла бы значительно ускорить решение многих весьма интересных и при этом весьма непростых исследовательских задач.

М.А. Фадеичева **Этнополитология сегодня**

Среди политиков и общественных деятелей России распространено мнение, что «национальный вопрос» для нашей страны носит фундаментальный характер, является чрезвычайно актуальным, особенно сложным, острым, за которым находятся «вызовы и угрозы» российской государственности и российскому социуму. Разработка Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утверждение которой произошло после проведения конгресса, также свидетельствует о практической значимости этнонациональных проблем. Можно ли «вычислить» их актуальность, например, в политической науке?

Всероссийские конгрессы политологов, вдохновителем и организатором которых является авторитетная для профессионального сообщества Российская ассоциация политической науки, представляют собой значимые для политической науки и политики события. Конгрессы аккумулируют последние достижения, выявляют перспективные тренды и определяют новейшую исследовательскую моду. То, как от конгресса к конгрессу меняются исследовательские приоритеты, как меняется тематика и постановка проблем, может быть предметом особого исследования. Каждый конгресс – не только отражение состояния политической науки, но и зеркало, в котором видится адекватное отражение российского социума и российской политики.

Из 570 материалов VI Всероссийского конгресса политологов, опубликованных во «взрослой» части сборника, 16 материалов, что составляет 2,8%, относятся к заседанию, посвященному этнополитическим процессам. Это – примерно столько же, сколько

приходится в среднем на целый ряд других «заседаний по направлениям». Это ровно столько же, сколько было опубликовано три года назад в материалах V Всероссийского конгресса политологов. Это говорит о том, что «национальный вопрос» привлекает внимание политологов не в большей мере, чем другие, его значимость для современной политической науки находится «в пределах нормы», а этнополитология как субдисциплина занимает равное место среди прочих.

Доклады «по этнополитологии», представленные на VI Конгрессе, не составили тематического единства, поэтому три секции остались без названий. Однако это относится ко всем заседаниям по направлениям политической науки, что означает, с одной стороны, свободу от условностей тематического деления, а с другой стороны, – неопределенность предметного поля. Вместе с тем можно обнаружить тематическую направленность каждого доклада.

По тематике «этнополитология-2012» в основном не отличается от «этнополитологии-2009». Революции в этнополитологии не случилось, парадигмальных потрясений не произошло.

Содержательные интенции докладов соответствующего заседания V Конгресса позволили выявить и проанализировать проблемно-тематические блоки: теоретико-методологические проблемы этнополитологии; идейно-теоретические основы этнополитики; этничность и национальная государственность; собственно этнополитические процессы; миграция в контексте этнополитики. Из 16 докладов, представленных на VI Конгрессе по соответствующему направлению политической науки, шесть докладов, то есть 37,5%, относятся к проблемам межэтнических отношений, этнополитической ситуации на Северном Кавказе. Экзотическими и эксклюзивными представляются исследования, посвященные этнополитическим процессам, как в Европе, так и в других регионах, точнее говоря, в субъектах Российской Федерации. Проблемы теории и методологии исследования этнополитических процессов не дискутировались вообще. Можно предположить, что такая ситуация сложилась в связи с существованием двух хорошо известных парадигм (примордиалистской и конструктивистской), между которыми в силу их парадигмальных различий диалог с целью отыскания истины невозможен. Эта невозможность отрефлексирована носителями обеих парадигм.

И.А. Ветренко
Проблемы и перспективы
политической науки в региональных вузах

Нет смысла отрицать деление политической науки на ведущую, которая активно развивается в классических университетах г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, и периферийную; местом концентрации последней являются региональные вузы. Это со всей очевидностью подтвердил прошедший VI Всероссийский конгресс политологов, на котором представители 65 регионов были не только докладчиками, но и руководителями многих секций.

На первый взгляд может показаться, что для молодой политической науки России это не является проблемой и она естественна для активного становления любой научной сферы, но понимание этого перекоса сегодня и принятие мер с целью его ликвидации позволит отечественной политологии развиваться более продуктивно.

Одним из насущных вопросов региональных политологов стало то, что направление подготовки «Политология», как правило, реализуется в классических вузах, руководство которых осуществляют представители естественно-научной или технической сферы. Данные руководители часто не заинтересованы в повышении престижа пусть и уникальных для региона, но, по их мнению, мало востребованных специалистов-политологов, поэтому и финансирование процесса их подготовки осуществляется по остаточному принципу.

Другая не менее значимая проблема – отсутствие доступных возможностей для защит кандидатских и докторских диссертаций по политическим наукам. Это связано с невозможностью создать на местах в регионах диссертационные советы, так как нет достаточного количества докторов политических наук. Так, в Омской области всего три доктора политических наук, а в Новосибирской – четыре. Трудность создания советов на местах способствует миграции успешных выпускников для поступления в аспирантуры московских и других центральных вузов без последующего возвращения в регионы. Складывается замкнутый круг, в условиях которого периферийные вузы сами готовят кадры для столичной политической науки.

В ряде региональных вузов открыты магистерские программы по направлению «Политология», но они не востребованы по

причине того, что работодатель не понимает, чем выпускник специалитета, который его устраивал до этого, отличается от магистра. С целью поддержки магистерских программ в переходный для системы образования период необходим государственный заказ на подготовку магистров-политологов, но на федеральном уровне такого заказа нет, а региональные власти предпочитают получить готового специалиста, не вкладывая в него средства.

Один из каналов общения между учеными – конференции. В региональных вузах провести конференцию по политической проблематике сложно. Крупные конференции, проходящие в Москве и Санкт-Петербурге, к сожалению, часто не дают системного толчка в развитии науки на местах, потому что приехать туда могут немногие в силу ограниченного финансирования. Несколько исправляет ситуацию деятельность Российской ассоциации политической науки, которая создает единую информационную базу, оповещающую о мероприятиях, исследованиях и о новых изданиях в области политологии.

Эволюция политического режима в России и проблемы в комплексном развитии политической науки привели также к тому, что в стране не создана система политического образования. В регионах возникает «хроническая недостаточность» политического образования у граждан, формирующаяся на фоне ослабления традиционного влияния региональных университетов.

Политическая наука в регионах нуждается в поддержке, которую политологическое сообщество может дать совместными усилиями. Для этого следует создать единый реестр всех региональных вузов, которые готовят кадры для политической сферы и имеют заделы для научных школ в области политологии, оценить их количественный и качественный уровень, научную специализацию и особенности. Затем разработать общую программу мероприятий хотя бы на один год, где в качестве баз проведения этих мероприятий (конференций, конгрессов, олимпиад и исследовательских площадок) выступали бы поочередно региональные вузы с учетом их специфики, научного профиля, кадрового состава и практических наработок. Это сможет стать началом консолидации политологического сообщества в рамках решения проблем политической науки в региональных вузах.